

Только теперь Феверс и Джек Уолсер начинают жить, так как обретают «беспокойство» [Картер 2010: 444]; только тогда человек живет, считает А. Картер, когда осознает свою ответственность за судьбу Другого.

Таким образом, в романе А. Картер «Ночи в цирке» происходит синтез различных романских разновидностей. Повествовательной основой произведения является любовно-авантюрный сюжет с историческим колоритом эпохи декаданса. Пространство романа, проникнутое атмосферой чудесного и страшного, а также образы героев имеют готический и фантастический характер. Использование многочисленных мифологем для создания образа главной героини позволяют назвать роман мифологическим. Проблематика произведения связана с постановкой и решением экзистенциальных вопросов, что актуализирует философское и притчевое начала в романе.

Список литературы

Картер А. Ночи в цирке : роман / Анджела Картер ; пер. с англ. А. Анистратенко. – М. : Эксмо ; Спб. : Домино, 2010. – 464 с.

Пестерев В.А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия / В.А. Пестерев. – Волгоград Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. – 308 с.

Шамсутдинова Н.З. «Магический» реализм в современной британской литературе : Анжела Картер, Салман Рушди : дис. ... канд. филол. наук / Н.З. Шамсутдинова. – М. : [б.и.], 2008. – 181 с.

ВРЕМЯ В КАРТИНЕ МИРА СТАНОВЯЩЕГОСЯ ГЕРОЯ (РЭЙ БРЭДБЕРИ «ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ»)

С.М. Платыгина

*Научный руководитель: А.С. Поршнева,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)*

Несмотря на то что категория времени имеет давнюю историю изучения, мы не можем сказать, что на сегодняшний день интерес к проблеме определения времени сколько-нибудь меньше, чем в предыдущие века. Временной аспект в литературном произведении является предметом исследования многих современных научных трудов. М.М. Бахтин подробно рассмотрел историческое развитие темпорального аспекта в литературе в работе «Формы времени и хронотопа в романе» [Бахтин 1975], также проблема времени в литературе рассматривается в его статьях «Автор и герой в эстетической деятельности» [Бахтин 1979], «Роман воспитания и его значение в истории реализма» [Бахтин 1979]. И.Р. Гальперин рассматривал темпоральный аспект литературного произведения в работе «Ретроспекция и проспекция в тексте» [Гальперин 1980]. Актуальность проблемы обусловлена тем, что модели времени

сменяли друг друга на протяжении истории и продолжают изменяться по сегодняшний день. В XX веке темпоральность стала полем для экспериментов среди европейских писателей. Ж.П. Сартр так высказывался на эту тему: «Большинство крупнейших современных писателей – Пруст, Джойс, ...Фолкнер, Жид, В. Вульф – каждый по-своему пытались искалечить время. Одни из них лишали его прошлого и будущего, ...Пруст и Фолкнер просто напросто “обезглавили” его, лишив будущего, то есть измерения действий и свободы» [Sartre 1949]. Эти эксперименты и предоставляют материал современным исследователям.

Целью исследования является рассмотрение того, как преобразуется восприятие времени главным героем повести «Вино из одуванчиков».

Отметим, что время текста в целом обусловлено взаимодействием трех темпоральных «осей»: 1) календарного времени, отображаемого преимущественно лексическими единицами с семой 'время' и датами; 2) событийного времени, организованного связью всех предикатов текста (прежде всего глагольных форм); 3) перцептивного времени, выражающего позицию повествователя и персонажа [Золотова 1998: 23]. Нас интересует перцептивное время, которое отражает восприятие главного персонажа повести «Вино из одуванчиков» Дугласа Сполдинга, «мальчика 12 лет от роду» [Брэдбери 2008: 11].

В самом начале повествования Дуглас видит мир как череду постоянно повторяющихся из года в год (поскольку в произведении описывается лето, то из лета в лето) событий и явлений. Об этом свидетельствуют подобные слова и размышления юного героя: «Раз в неделю ему позволяли ночевать не в домике по соседству, где спали его родители и младший братишка Том, а здесь, в дедовской башне», «Скоро внизу появятся на электрической Зеленой машине две старухи и покатают по утренним улицам, приветственно махая каждой встречной собаке... И вскоре по узким руслам мощеных улиц поплывет трамвай, рассыпая вокруг жаркие синие искры» [Брэдбери 2008: 2]. Он уверен в том, что случится на следующий день, в следующий момент, потому что это все уже когда-то случалось. Еще одним показателем того, что события в жизни персонажа повторяются, жизнь идет по кругу, служит блокнот младшего брата главного героя – Тома с записями о том, сколько раз повторялись те или иные события в году. «Вот ты, верно, про это и не думал, а мы ведь каждое лето опять и опять делаем то же самое, что делали прошлым летом... делаем вино из одуванчиков, покупаем теннисные туфли, пускаем первый фейерверк, делаем лимонад, вытаскиваем из ног занозы, собираем дикий виноград. Каждый год одно и то же, в точности как раньше, и никаких перемен, никакой разницы» [Брэдбери 2008: 11], – замечает сам Дуглас. Помимо того, что события в

жизни юного персонажа в начале повести представляются как постоянно повторяющиеся и жизнь его проходит в рамках определенных циклов, можно отметить, что пространство (мир) главного героя ограничено его родным городом и окрестностями, до определенных событий в тексте ни разу не упоминаются какие-либо другие места, города, страны. События, происходящие в повести, изначально связаны только с бытом, повседневной реальностью – сбор ягод, приготовление обеда бабушкой, кошение травы в конце июня [Брэдбери 2008]. Также мы можем отметить, что жизнь семьи Дугласа тесно связана с природой и те циклы, по которым идут события в жизни мальчика, совпадают с природными циклами. Например, цветение одуванчиков напрямую связано с их сбором и заготовкой вина из одуванчиков, что является ежегодным событием, возможно, лежащим в основе цикла жизни детей.

В работе «Формы времени и хронотопа в романе» М.М. Бахтин выделяет следующие общие черты идиллического хронотопа: органическая прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту, строгая ограниченность ее только основными немногочисленными реальностями жизни, сочетание человеческой жизни с жизнью природы [Бахтин 1975: 353]. На основании написанного выше можно утверждать, что в начале повести «Вино из одуванчиков» присутствует идиллический хронотоп, в котором «цикличность выступает чрезвычайно резко, и потому начало роста и вечного обновления жизни ослаблено, отделено от исторической прогрессивности и даже противопоставлено ей» [Бахтин 1975: 355]. Таким образом воспринимает время Дуглас в начале повествования – как смену циклов, оно идентично мифологическому времени, где «настоящее и будущее выступают лишь как различные темпоральные ипостаси прошлого, являющегося инвариантной структурой» [Лотман 1973: 87].

Но постепенно Дуглас сталкивается с событиями, которые не вписываются в его прежнее видение мира. Начинается это с незначительных с первого взгляда открытий: например, пожилая Миссис Бентли убеждает детей в том, что когда-то и она была молодой (хотя они и не верят ей до конца); важную роль играет и известие о том, что автобусы теперь сменяют привычные и любимые детьми трамваи. Все это юный герой воспринимает с большим удивлением и почти отчаянием: «Нет, нет... Не могут они убрать трамвай! Что ни говори, автобус – это не трамвай! Он и шумит не так, рельсов у него нет, проводов нет, он и искры не разбрасывает, и рельсы песком не посыпают, да и цвет у него не такой, и звонка нет, и подножку он не спускает!» [Брэдбери 2008: 48]. Но на этом разрушение прежней картины мира Дугласа только начинается. Вслед за вещами из жизни юного героя начинают исчезать люди: сначала навсегда

переезжает в другой город его друг Джон Хаф, причем известие об этом врывается в сознание мальчика, когда «Дуглас шел сквозь этот день и думал, что так будет вечно. Все вокруг такое отчетливое, законченное. Все в мире близко и понятно, и так будет всегда» [Брэдбери 2008: 50].

Вслед за расставанием герой начинает четко осознавать существование смерти: сначала его знакомый Мистер Форестер рассказывает ему о смерти своей несостоявшейся любви Мисс Лумис, затем следуют убийство молодой женщины из Гринтауне и, наконец, смерть прабабушки мальчиков Сполдингов. Все эти события полностью ломают прежние представления Дугласа о мире. Сам он после всего случившегося пишет в своём дневнике: «Дуглас ...дописал огромными, жирными буквами: ЗНАЧИТ, ЕСЛИ ТРАМВАИ, И БРОДЯГИ, И ПРИЯТЕЛИ, И САМЫЕ ЛУЧШИЕ ДРУЗЬЯ МОГУТ УЙТИ НА ВРЕМЯ ИЛИ НАВСЕГДА, ИЛИ ЗАРЖАВЕТЬ, ИЛИ РАЗВАЛИТЬСЯ, ИЛИ УМЕРЕТЬ, И ЕСЛИ ЛЮДЕЙ МОГУТ УБИТЬ, И ЕСЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ПРАБАБУШКА, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ ВЕЧНО, ТОЖЕ МОГУТ УМЕРЕТЬ... ЕСЛИ ВСЕ ЭТО ПРАВДА... ЗНАЧИТ, Я, ДУГЛАС СПОЛДИНГ, КОГДА-НИБУДЬ... ДОЛЖЕН...» [Брэдбери 2008: 92].

М.М. Бахтин писал: «Из эмоционально-волевой установки поминовения отошедшего существенно рождаются эстетические категории оформления внутреннего человека (да и внешнего), ибо только эта установка по отношению к другому владеет ценностным подходом к временному и уже законченному целому внешней и внутренней жизни человека» [Бахтин 1979: 95]. То есть столкновение со смертью других людей поднимает Дугласа на совершенно новую ступень взросления, оно и приводит к тому, что жизнь больше не видится ему сменой циклов, теперь мальчик понимает, что все имеет начало и конец. Время в его сознании разворачивается в линию, по которой движется жизнь. Так в восприятии героя укореняется линейная модель времени – аналогичная той, которая появилась в средневековой культуре благодаря распространению христианства. Д.С. Лихачев писал, что линейное время неразрывно связано с представлениями о том, что каждое событие сменяется последующим, причем ушедшее в прошлое перестает существовать [Лихачев 1997: 281].

Таким образом, в ходе повествования восприятие времени Дугласом полностью изменяется. Герой расстается с представлениями и цикличности времени, присущими ему в начале повествованиями и основанными на его детских представлениях о мире, где из года в год события повторяются по кругу и все проходит, чтобы повториться снова. Многочисленные изменения в его жизни, столкновение со смертью знакомых людей заставляют его расстаться с прежней моделью времени.

В конце повествования он уже воспринимает время как движущееся по прямой, линейная модель времени сменяет циклическую. Эта смена моделей времени логически вписывается в процесс взросления мальчика.

Список литературы

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234-407.

Брэдбери Р. Вино из одуванчиков / Рэй Брэдбери. – М. : Эксмо, 2008. – 384 с.

Гальперин И.Р. Ретроспекция и проспекция в тексте / И.Р. Гальперин // Филологические науки. – 1980. – № 5. – С. 44-52.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Ониненко, М.Ю. Сидорова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 524 с.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. – М., 1997. – С. 281-288.

Лотман Ю.М. О мифологическом ходе сюжетных текстов / Ю.М. Лотман // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1973. – С. 86-90.

Sartre J.P. Situations / J.P. Sartre. – Paris : Gallimard, 1949. – 371 pp.

ПОЛЬ ГОГЕН И ЧАРЛЬЗ СТРИКЛЕНД: ОТ ПРОТОТИПА К ГЕРОЮ РОМАНА У.С. МОЭМА «ЛУНА И ГРОШ»

Е.А. Калинина

Научный руководитель: Е.С. Седова,
кандидат филологических наук, доцент (ЧГПУ)

В своих произведениях У.С. Моэм нередко обращался к теме искусства и к проблеме личности художника в частности. Эстетические взгляды писателя отражены в его «трилогии о творцах искусства», куда, по мнению исследователя творчества писателя В. Скороденко, входят такие романы, как «Луна и грош» (*The Moon and Sixpence*, 1919), «Пироги и пиво, или Скелет в шкафу» (*Cakes and Ale, or the Skeleton in the Cupboard*, 1930) и «Театр» (*Theatre*, 1937) [Скороденко 1991]. В центре трилогии – творческая личность, ее судьба [подробнее см.: Седова 2006: 82-84]. Интерес к искусству обусловлен личной страстью С. Моэма к этой области, в особенности к живописи. В течение многих лет писатель покупал картины импрессионистов и модернистов. Известно, что он приобрел на Таити стеклянную дверную панель, разрисованную художником-постимпрессионистом Полем Гогеном. Название этого шедевра – *Eve In Paradise* (1898-1899). По мнению Дж. Мейерса, произведение Гогена символично: «Картина вбирает гармонию, мир и чистоту Рая до грехопадения человека» [Мейерс 2004: 120].

Роман «Луна и грош» представляет собой «роман о трагической судьбе гениального художника, о неизъяснимой тайне его личности»